

Любовь в семье глазами писателя Меира Шалева (фрагменты текстов романов и анализ)

Розин В. М.,

д. ф. н., профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН,
rozinvm@gmail.com

Аннотация: В статье представлены небольшие фрагменты трех романов Меира Шалева, и автор на этом материале обсуждает понимание писателем любви, семьи и личности. Почему, спрашивает он, судьба семьи в изложении Шалева так печальна, почти не связана с любовью, а личность в романах, как правило, одинока? Чтобы ответить на эти вопросы, предлагается анализ этих трех важных для жизни реалий, с одной стороны, как их понимает Шалев, с другой — каким образом они выглядят в настоящее время в объективном плане. Автор приходит к выводу, что в настоящее время в культуре понимание и концепции семьи, любви и личности не согласованы между собой, что рождает многочисленные проблемы и кризис социальности. Параллельно он пытается прояснить сущность обсуждаемых Шалевом явлений любви, семьи, личности и социальности.

Ключевые слова: семья, любовь, личность, социальность, современность, человек, время, история, кризис, становление.

В последнее время я прочел несколько романов замечательного израильского писателя Меира Шалева. Он много пишет о любви в семье, но, как правило, заканчивается любовь печально. Хотя начинается любовь вполне в духе романтической концепции — сильные чувства, идеализация возлюбленной (возлюбленного). На этой волне создается семья, в лоне которой происходит настоящее узнавание супругов, их сближение, но затем постепенное расхождение в связи с разными ожиданиями от жизни и друг друга, а также разными привычками. Рано или поздно любовь в семье подвергается испытаниям — или в результате какой-нибудь настигшей героев жизненной катастрофы, но чаще вполне прозаически — исчезновением новизны, привычками, которые вовсе не становятся заменой счастья, разными убеждениями, неудовлетворенностью интимными отношениями и прочее. Например, в романе Шалева «Эсав» героиня Сара Леви, статная красавица и сильная духом личность, беззаветно любит своего мужа Авраама, который очень быстро ее разлюбил, начиная с того момента, когда Сара, не выдержав ханжеских попреков свекрови и вообще обстановки традиционного иерусалимского еврейского общества, выкрала коляску греческого патриарха и, посадив в нее своих детей и связанного мужа с кляпом во рту, впряглась в повозку, как конь, и помчалась через всю страну в поисках места, где она могла бы начать новую, только свою жизнь [16].

«Покрытый пустыми мешками из-под муки и пеной бессильной ярости, маленький щуплый Авраам проклинал тот день, когда он привез свою жену из Галилеи в Иерусалим. У него уже не осталось ни сил, ни терпения выносить ее манеры — эти повадки влюбленной кобылы, как говорили соседки, — из-за которых он стал посмешищем во дворах Еврейского квартала, да и всего Иерусалима тоже. Сефардские соплеменники бойкотировали его за женитьбу на этой чапачуле, недотепе, ашкеназы поносили его за то, что он породнился с герами, этими новообращенными из гоев, и даже среди

легкомысленных мусульманских юнцов, которые распивали запрещенный арак в кофейнях Мустафы Раббия и Абуны Марко, его имя стало предметом пересудов и притчей во языцех... Булиса Леви, госпожа Леви, сварливая мать Авраама, тоже не могла сомкнуть глаз. “Невесточка у меня — коли сыра у нее не купишь, так непременно тумачи получишь, — вздыхала она. — Говорю тебе, Авраам, эта женщина, которую ты привел в дом, — раньше я увижу белых ворон, чем мне будет покой от нее”» [16].

В романе «Фонтанелла» дед и бабушка главного героя Михаэля (Апуца и Амума), будучи молодыми, любят друг друга и строят семью. Но когда Батия, любимая дочь Апуцы, полюбила немецкого юношу из поселка тамплиеров, отец, по сути, выгоняет ее из дома, делая жизнь Батии невыносимой. Потом он заставляет другую свою дочь, красавицу Пнину, родить сына (Габриэля) от нелюбимого человека, с тем чтобы тут же забрать малыша для себя и самому воспитывать. Его жена Амума в отместку перестает с ним спать и хочет только одного — отомстить мужу, но, заболев раком, Амума вскоре умирает.

«Многие мужчины, — рассказывала Михаэлю его тетя Рахель, — называют своих жен этим словом, но обычно лишь после того, как те действительно становятся матерями их детей. Давид Йофе называл Мириам Йофе “мамой” с их первой встречи. Кстати, свое семейное прозвище “Амума” она получила от Габриэля, который искажил — а может, улучшил — то “мама... мама...”, что не раз слышал от деда, всегда звавшего ее так в те далекие ночи, когда она его уже покинула. Покинула — сначала его постель, потом его дом, а под конец и его жизнь — оставила одного на том промежутке, что между ее смертью, которая уже пришла, и его смертью, которая еще нет.

— Не было ночи, чтобы я не слышал, как он ее зовет, — сказал мне мой двоюродный брат Габриэль. — “Мама... мама...”. Тихо, шепотом, но внятно и отчаянно» [18, с. 18, 81].

Любовь Михаэля к своей жене Алоне выглядит лучше, но все же это только родственность и обмен сексом. По-настоящему, мистически и романтически, Михаэль любит Аню, спасшую его в пятилетнем возрасте от пожара. «Он очень умный человек, — сказала она (*Рахель, тетя Михаэля. — В. Р.*). — Все думали, что ты приходил из благодарности. Были также самозванные психологи, которые говорили, что сын Ханы Йофе нашел себе новую мать. Но Элиезер (*муж Анны. — В. Р.*) в первый же твой приход сказал мне: “Этот ребенок, Аня, которого ты вытащила из огня, влюбился в тебя, как мужчина влюбляется в женщину” <...>

Многие годы прошли с тех пор. Время вложило в меня немного опыта, чуток понимания, несколько тонких слоев знания. И эта троица, с насмешливостью трех старых психологов, допытывается сейчас у меня:

— Михаэль, сколько же лет тебе было тогда? Пять? Шесть? Что ты знал тогда о любви?

А что я знаю о ней сейчас? А что знаете вы, высокоуважаемые специалисты по человеческой душе, — Знание, Опыт и Понимание? Ничего вы не знаете, кроме фактов: что я обложил осадой ее дом; что я измерял шагами его периметр; что я прижимал уши к его стенам, лежа под ними; что я сверлил их взглядами, пока они не растворились, и дверь стала прозрачной. И всё это, господа почтенные, я проделал, совершенно-ничего-не-зная-о-любви <...>

Согласен — мне было тогда каких-нибудь пять с чем-то лет, но скажите вы сами, вы, которые умнее меня, вы, достопочтенные и законопослушные люди, вы, взрослые, которым суждено дожить до старости и благородных сединок, — если это не было любовью, то чем же это было? Скажи мне ты, дочь моя, с пояса которой свисают скальпы “кавалеров”. Скажи мне ты, сын мой, единственный человек, который может проникнуть в мои секреты в мое отсутствие. Скажи мне ты, жена моя, специалистка по вопросам

любви, — если это не было любовью, то чем же это тогда было?» [18, с. 4, 11, 12, 23, 34, 38]

«Тридцать лет мы женаты, — размышляет Михаэль о своей супруге, — и тридцать из этих лет — хотя она и не верит — я не спал ни с одной другой женщиной. Тридцать лет, а мое удивленное тело все еще, как прежде, пробуждается ей навстречу, — но как автомат. Как чиханье аллергика на восходе солнца, как волосы, встающие дыбом от угрозы, как наш «друг-слюна» навстречу пище.

— Грех тебе жаловаться, — успокаивает она меня. — Судя по тому, что я слышу от моих «пашмин», каково им в постели, так ты еще можешь благодарить Бога...

— Успокойся, Михаэль, — говорю я себе, опасаясь того, что сейчас произойдет, — другие мужчины страшатся, что их не поддержит их тело, а я вот здесь, стоя по стойке “смирно”, напрягшийся и готовый к бою, с тревогой жду, присоединится ли ко мне мое сердце? Выпорхнет ли и моя душа и пойдет ли передо мной, как оруженосец перед Голиафом, или мне снова придется выйти в бой одному?» [18, с. 29, 81].

Тридцать лет Михаэль был верен жене, но до женитьбы он на короткое время полюбил свою двоюродную сестру.

«Пять изнурительных недель провел я в обществе своей двоюродной сестры и начал понимать и любовь Амумы к Апупе, и ее жалобы на его тело. Мое ребро сломалось в ее объятиях, и мое тело покрылось синими, и желтыми, и черными пятнами, цвет которых свидетельствовал о разной давности их появления.

— Скажи ей, что ты всего год назад вышел из больницы! — смеялся Габриэль, но я героически переносил свои муки. Я любил ее силу, ее рост, ее вес и ее страсть, которую не всегда мог удовлетворить, и тот безудержный гнев, который охватывал ее, когда она не кончала. И когда однажды она поднялась, забрала у Габриэля белое платье своей немецкой тетки Берты, сложила фотографии, которые привезла оттуда, и те, которые сделала здесь, и сказала, что должна вернуться домой, я был искренне опечален. Я знал, что она не вернется и что я не поеду к ней, но рядом с грустью во мне улыбалось облегчение. Так это у меня, не у всех у нас в семье.

В первые месяцы после отъезда она каждые несколько недель посылала мне фотографию какой-нибудь части своего тела: плечо, верхушку груди, скругленное колено, “мышцу и голову”, венерин холм, левый глаз в щедром масштабе, но закрытый, подбородок и половину рта, и кучу пупков — каждый раз в другом углу фотографии. Я сохранял их, чтобы когда-нибудь собрать из них целую Аделаид, но она никогда не прислала мне ни ладоней, ни ступни, ни целого рта, ни правого глаза. Но мне “довольно было и того”, что она присылала, чтобы заонанироваться до забвения, и каждый раз, когда я хотел ее, она тотчас возникала у меня в памяти: змеиные кудри ее волос, светлые бесконечные равнины ее спины, колодец ее пупка, пшеничная насыпь ее живота, дюны ее бедер. Как чайка, прилетающая в свое гнездо, я помню утес ее ребер, расправляю крылья перед посадкой...

А однажды Габриэль вдруг сказал за семейным столом:

— Вы заметили, что происходит с Михаэлем в последнее время?

— Что? — спросила Рахель.

— Он отплыл и вернулся на то же место, и этим доказал, что женщина круглая <...>

Спустя годы, когда я рассказывал Габриэлю (*он был геем. — В. Р.*), что делала со мной Аделаид, дочь Батии, он не сказал, как Рахель: “Как ты мог, Михаэль, ведь это твоя двоюродная сестра...” — а начал спрашивать меня о мельчайших деталях произошедшего: “Что значит — “и тогда мы поцеловались”? Как именно? Вы оба стояли? С какой стороны? А что раньше? А какой рукой она обняла тебя сначала? А ты? Ты сделал ей то же самое, что она тебе? Или стоял, как жена Лота? А ее тело? Только прижалось или двигалось тоже?” — пока я не сказал: “Но, Габриэль, Габриэль... Я не

думал, что это тебя интересует...” — и он с дружелюбием костолома похлопал меня по плечу и засмеялся» [18, с. 75, 109].

Меир Шалев, как мы видим, спокойно относится и к изменам, и к мастурбации, очевидно, считая это естественными откликами и реакциями индивида на сложившееся положение вещей. Более того, он вроде бы принимает, конечно, не в этическом плане, а как природное начало даже месть и убийство. В романе «Вышли из леса две медведицы» один из главных героев, дед Зеев, жестоко убивает любовника своей жены Рут и ребенка, только что родившегося от жены. При этом, размышляет Шалев, Бог никак не вмешивается в эти события.

«*Анна Соловей*. В вашем романе, — спрашивает Анна Шалева, — есть еще один сюжет, который остается за кадром, но незримо присутствует все время. Он обозначен в названии: «Вышли из леса две медведицы». Это прямая цитата из библейской истории о пророке Элише, проклявшем детей, которые над ним насмехались. После его проклятия «вышли из леса две медведицы и растерзали из них сорок два ребенка». В этом, как я понимаю, ключ ко всей книге.

Меер Шалев. В истории об Элише и медведицах Б-г ведет Себя так же, как жители этой деревни. Он сидит в сторонке, наблюдает и даже поддерживает убийство. Если вы, скажем, кого-то проклянете, то никакие медведи из леса не выйдут. Когда проклинает пророк Элиша, то выходят медведи и разрывают детей. Б-г при этом стоит в стороне. Можно даже сказать, поддерживает убийство детей, выпускает медведей из леса. В обоих случаях речь идет о совершенно произвольной жестокости, которую можно было предотвратить, но этого не случилось...

Да. Я не религиозный человек. Я не верю в самый важный религиозный принцип, который называют “ашгаха”, провидение, обозначающий, что Б-г наблюдает за тобой и Ему небезразлично, что ты делаешь. Когда меня спрашивают: есть Б-г или нет, я отвечаю: “О каком Б-ге вы спрашиваете: о том, кто сотворил мир и создал цветы, травы и животных, или о том, которого волнует, что я ем. Если о том, которого беспокоит, что я ем, — на мой взгляд, Его выдумали сами люди. А если о том, кто сотворил мир, не знаю... У меня нет ответа”» [7].

Но может быть, заметила моя супруга, Наташа, дело в том, что Шалева воспитывали на «Танахе» (еврейской Библии), и хотя он в Бога не верит, но так проникся рациональностью Ветхого завета, что невольно мыслит его образами и схемами. В том числе и в этическом плане — поэтому не то чтобы оправдывает месть и убийство, но, как напитавшийся древней моралью, понимает эти страшные поступки, а как писатель выводит их на свет и анализирует, что из этого проистекает.

Сразу хочу пояснить, речь идет не о любви в реальной жизни, в которой, конечно, много вполне благополучных любящих семейных пар, а о понимании писателями любви и семьи. Ведь существует точка зрения, что писатели воспитывают наши чувства и первыми выводят на свет новые, еще не осознанные другими явления. Попробуем же осмыслить указанное, на первый взгляд, несколько странное писательское понимание.

Пожалуй, можно начать с вопроса о том, что такое человек. Не напоминает ли он кентавра, не двухосновен ли принципиально — и биологическое существо, и социальное (социокультурное)? И не характерна ли и для любви «кентавричность»? Однако понятно, если человек животное, то необычное, так сказать, укрощенное и окультуренное. Но и обратно, как показывает Бронислав Малиновский, культура формировалась в том числе для обеспечения базовых биологических потребностей человека (возможности питания, дыхания, движения, размножения и прочее). «Потребности, — пишет Малиновский, — мы соотносим не с индивидуальным организмом, а, скорее, с сообществом и культурой <...> лучше опустить понятие влечения в анализе человеческого поведения, пока мы не

поймем, что мы должны пользоваться им иначе, чем зоопсихологи и физиологи» [5, с. 88–89].

В рамках культуры биологическое начало человека преобразуется, адаптируясь к требованиям социальности. Не исключение и любовь. «Высшее, — замечает английский писатель и философ Клайв С. Льюис, — не стоит без низшего. Растению нужны и корни, и солнечный свет <...> Вожделение может входить во влюбленность, может и не входить... Влюбленность вступает в человека, словно завоеватель, и *переделяет* по-своему все взятые земли. *До земли полового влечения она доходит не сразу; и переделяет ее...* Вожделение без влюбленности стремится к соитию, влюбленность — к самому человеку» (*курсив наш.* — В. Р.) [4, с. 200, 209].

За счет чего достигается преобразование биологического начала в человеке? Анализ показывает, что за счет языка и практик, обеспечивающих социализацию. Особенно большую роль здесь играют «семиотические схемы», позволяющие разрешать «проблемные ситуации» (вызовы времени), задающие новую реальность, видение и понимание, обеспечивающие возможность по-новому действовать [11, с. 21]. Уже в самой первой, архаической культуре можно увидеть эту работу языка и социализации. Например, для аборигенов племени арапешей, которое изучала американский антрополог Маргарет Мид, проблемой было понимание того, каким образом получают дети. «Поскольку арапеша, — пишет Мид, — думают, что ребенок получается из материнской крови и отцовского семени, функция отца в оплодотворении не кончается вместе с зачатием, в течение нескольких недель от него требуется напряженная сексуальная активность. Чем больше актов соития совершат родители, думают арапеша, тем лучше и здоровее будет их ребенок. Но как только груди матери обнаруживают характерные для беременности набухание и изменение цвета сосков, считается, что создание ребенка завершено. С этого момента все половые сношения запрещены. И далее, пока ребенок не начнет ходить, накладывается строгое табу на половые сношения» [8, с. 253, 257; 12, с. 71–72].

Проблемная ситуация →	СХЕМА →	Новая реальность	Новое видение и понимание	Новое действие
<i>Непонимание того, как получают дети</i>	<i>Нарратив: «дети получают из крови матери и спермы отца»</i>	<i>Картина, объясняющая рождение детей</i>	<i>В рамках этой картины</i>	<i>Практика брачных отношений</i>

Нарратив «дети получают из крови матери и спермы отца», конечно, появился не сам собой, его кто-то придумал, но чтобы его признать и принять, этот нарратив должен был доказать свою эффективность (становится понятным, как получают дети, и проблема разрешается; практика брачных отношений демонстрирует правильность нового понимания). Подобные схемы можно назвать «когерентными», они общие для всех членов социального коллектива. Но начиная с античной культуры, когда формируется индивид, переходящий к самостоятельному поведению, создаются схемы (их можно назвать «приватными»), которые ориентированы уже не на всех, а на отдельного человека или группу.

Примером таких схем, причем именно в отношении любви, выступают схемы в «Пире» Платона. Проблемой, которую решает здесь великий античный философ, являлась невозможность «становящейся античной личности» любить по-старому, в родовой схеме. Последняя объясняла любовь действиями и прихотями богов-любви

(Деметры, Афродиты, Эроса и др.), которые превращали людей, на которых указывали боги, во влюбленных и заставляли тянуться друг к другу. Но античная личность стремилась выбирать возлюбленного (возлюбленную) самостоятельно, под себя. Разрешая эту жизненную ситуацию, Платон создает схемы любви («Афродиты небесной», «андрогина», «вынашивания духовных плодов»), переключавшие любовь с родового начала на индивидуальное, ориентировавшие на выбор своей половины, прекрасное и благо.

Проблемная ситуация	СХЕМЫ любви в «Пире»	Новая реальность	Новое видение и понимание	Новое действие
<i>Невозможность любить личности</i>	<i>Нарративы любви в «Пире»</i>	<i>Картина платонической любви</i>	<i>В рамках этой картины</i>	<i>Практика платонической любви</i>

Концепцию любви, созданную Платоном, можно считать своеобразным «геномом любви», поскольку более поздние концепции любви — «куртуазная концепция» в Средних веках и «романтическая концепция» любви в Новое время — основываются на идеях Платона, правда, внося ряд существенных изменений [12]. Так куртуазная концепция восстанавливает в любви чувственные мотивы, которые сильно принизил Платон, а вместо «прекрасного юноши» ставит в центр любовного действия образ «благородной дамы», нагружает любовь мечтательностью и страданием. В книге Р. А. Фридман «Любовная лирика трубадуров и ее истолкование» можно, например, прочесть такой текст.

«Я лакоплюсь ею в мечтах,
 Придется ль мне, о боже, иначе ею насладиться?
 Тотчас же отправляется мой дух
 Прямым путем, мадонна, к вам,
 Кого он видеть жаждет.
 Совсем как я того хочу,
 Ночью и днем, лишь только замечтаюсь,
 За вами вволю тут ухаживает он,
 Целует, обнимает и ласкает.

...Ночью, когда я усну,
 Мой дух отправляется к вам;
 Мадонна, тут так счастлив я,
 Что, когда только кончится сон,
 Я выколоть очи готов,
 Что вздумали бодрствовать вдруг;
 И я ищу вас на постели
 И горько плачу, не найдя.

Пусть прямо, как по ниточке, идут
 И пусть изящно будут тонки
 На лбу красивом ваши бровки;
 Красивый круглый подбородок,
 А зубки — мелки и малы,
 Красивый нос и пурпурные губки,
 Что созданы, чтобы целовать

Того, кого господь сей чести удостоит.
И ласковые светлые глаза, прямые без лукавства.
И светлые глаза, исполненные ласки...
Глаза-обманщики,
Что к вам обращены,
Но чаще смотрят в сторону другую» [15].

Серьезные новации характерны и для Нового времени (модерна). Во-первых, складывается *индивидуальный опыт любовного поведения и переживания*, который часто декларируется и манифестируется как *норма*, как *природа любви*. Так, если одни индивиды возвышают любовь, то другие принижают, одни считают несовместимыми брак и любовь, другие высказываются за их союз, одни исключают из «настоящей любви» половое влечение, другие считают, что без него любовь не существует, и т. д. Во-вторых, любовь в культуре Нового времени — это своеобразный *объект изучения, предмет знаний и размышлений*. А раз так, то любви приписываются определенные свойства и характеристики, вытекающие из рассуждений о любви. Любовь соотносится в мысли с другими явлениями и характеристиками человека. Став предметом познания, любовь превращается в *идеальный объект мышления*. В-третьих, любовь *психологизируется*, это связано с новоевропейским пониманием любви как определенной формы поведения и качеств новоевропейской личности. Ни Афродита, ни христианский Бог больше не ответственны за любовь, только сам человек, его характер, убеждения, темперамент, склонности, потребности [12, с. 144–145].

Интересно, что семья и брак редко понимались как факторы, укрепляющие любовь, необходимые для нее, скорее наоборот. Если Плутарх писал, что «нет никакой большей радости, более постоянной привязанности, столь светлой и завидной дружбы, как там, где единодушно живут, охраняя домашний порядок, муж и жена», то император Андриан на претензии жены объяснял ей: «Ясно, что я удовлетворяю свои страсти с другими: ведь понятие “жена” обозначает почет, а не удовольствие» [12, с. 87]. И в средние века в знаменитой переписке Элоизы и Абеляра мы видим противостояние установок на любовь и брак. «И хотя, — пишет Элоиза, — наименование супруги представляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой или, если ты не оскорбишься, — твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе... ты не пренебрег изложить и некоторые доводы, при помощи которых я пыталась удержать тебя от нашего несчастного брака, хотя и умолчал о многих других, по которым я предпочитала браку любовь, а оковам — свободу» [1, с. 30].

И в Новое время концепция любви, предполагающая брак и семью, противостояла концепции, отрицающей эту связь. Вот описание Левина в «Анне Карениной» после его неудачного сватовства к Китти: «Любовь к женщине он не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже женщину, которая даст ему семью. Его понятия о женитьбе поэтому не были похожи на понятия большинства его знакомых, для которых женитьба была одним из многих общежитейских дел; для Левина это было главным делом, от которого зависело все его счастье» [14, с. 109].

В Новое время от любви отпочковывается секс, главная цель которого — наслаждение и игра, что ведет к использованию женщины как средства (против чего решительно возражал И. Кант) и развитию техники интимных отношений. При этом платоновская идеализация («вынашивание духовных плодов — прекрасного и блага») оттесняется почти противоположными идеалами. Не отсюда ли идет традиция, которую,

возможно, разделяет Меир Шалев, спокойного отношения к изменам, геем и мастурбации?

«Будем же откровенны, — пишет виконт де Вальмон маркизе де Мертей в книге “Опасные связи”, — в наших связях, столь же холодных, сколь и мимолетных, то, что мы именуем счастьем, — всего лишь удовольствие». На что де Мертей уточняет: «Именно там я убедилась, что любовь, которую расхваливают как источник наслаждения, самое большее — лишь повод для них. Неужели вы еще не уразумели, что наслаждения, действительно являющегося единственным толчком для соединения двух полов, все же не достаточно для того, чтобы между ними возникла связь, и что если ему предшествует сближающее их желание, то после него наступает отталкивающее их друг от друга пресыщение?» [3, с. 19, 157]

А вот почти настоящий манифест любви-наслаждению. «Это, — читаем в рассказе Мопассана «Ласки», — ловушка, гнусная ловушка, скажете вы? Пускай, я это знаю, я готов попасть в нее, я этому рад. Природа научила нас ласкам, чтобы скрыть свою хитрость, чтобы заставить поневоле, без конца плодить новые поколения. Так давайте похитим у нее сладострастие, присвоим его, преобразим, сделаем утонченным, идеальным, если хотите! Обманем, в свою очередь, эту обманщицу Природу! Сделаем больше, чем она хотела, больше того, чему она могла или осмелилась нас научить. Сладострастие — словно необработанный драгоценный камень, добытый в недрах земли; возьмем его и станем шлифовать, чтобы придать ему красоту, не заботясь о первоначальных намерениях, о тайной воле того, кого вы зовете богом. И так как мысль все может сделать поэтичным — опозитизируем сладострастие, сударыня, даже самые грубые его проявления, самые некрасивые его формы, самые чудовищные его выдумки! Будем любить сладострастие, как пьянящее вино, как зрелый плод, благоухающий во рту, как все, что переполняет нас счастьем. Будем любить тело, потому что оно красиво, бело и упруго, округло и нежно, сладостно для губ и для рук.

О сударыня! Пусть моралисты проповедуют стыдливость, а врачи — осторожность; пусть поэты, эти обманщики, всегда обманывающие самих себя, воспевают чистое слияние душ и беспредельное счастье; пусть некрасивые женщины помнят о своем долге, а рассудительные люди — о своих бесполезных делах; пусть теоретики останутся со своими теориями, а священники — со своими заповедями, — мы же будем любить сладострастие, которое пьянит, сводит с ума, обессиливает, доводит до изнеможения и вновь воскрешает! Оно нежнее благоухания, легче ветерка, острее боли; оно стремительно, ненасытно, заставляет молиться, совершать преступления и подвиги.

Будем любить сладострастие, но не спокойное, обычное, разрешенное законом, а яростное, буйное, испуганное! Будем искать его, как ищут золото и алмазы, ибо оно дороже, оно неопределимо, хотя и мимолетно. Будем вечно гнаться за ним, умирать за него или от него!» [9, с. 346–347]

В сравнении с этим манифестом взгляды Шалева выглядят уже вполне добропорядочными. Удивляет другое — почти домостроевское отношение к сохранению семьи, когда из нее давно ушла любовь, а между супругами настоящая ненависть. Авраам в «Эсаве» не любит свою жену, но из семьи не уходит. Амуна в «Фонтанелле» не живет с Апупой и мстит ему, но семья сохраняется. О чувствах детей к деду Зееву в романе «Вышли из леса две медведицы» свидетельствует сцена в конце романа, когда при разборке старого сарая рабочий неожиданно находит череп и кости ребенка бабушки Рут, которого много лет тому назад убил Зеев.

«Довик (*брат главной героини Руты. — В. Р.*) встал рядом со мной, посмотрел и сразу все понял.

— Он похоронил ее внутри сарая, а потом вышел и сел на лошадь, взяв с собой ту лопату, которую мы нашли, когда рушили сарай, — сказал он спокойно и вполне логично,

но потом добавил чуть громче: — Целое представление устроил для мошавных, чтобы они думали, что он собирается похоронить ее в каком-то другом месте. — И вдруг затопал ногами и закричал страшным голосом: — Тебе мало было всего, что ты сделал, да?! Тебе хотелось еще видеть, как бабушка всю жизнь ее ищет? Ищет и не находит, ищет и не находит, ищет и не знает, что она здесь, у нас в сарае, в двух метрах от своей матери!

Он буквально сломался, развалился на части. То ли опустился, то ли упал на колени, встал на четвереньки над маленькими косточками и кричал страшней, чем Эйтан на похоронах Неты, плакал так, как я не осмелилась плакать тогда. (*Эйтан — муж Руты, а Нета — их сын, который в шестилетнем возрасте умер от укуса змеи. — В. Р.*)

— Как же ты мог растить нас в этом доме, гнусная ты тварь! Как же ты посмел заставить нас ходить по этой земле, с бабушкиной девочкой у нас под ногами? — Он ударил ногой тачку и перевернул ее: — Вот вам все его семена, и саженцы, и цветы! Вот что он на самом деле посадил и посеял здесь!

Я никогда не видела его в таком состоянии. Я даже на миг обрадовалась, что дедушка уже умер, потому что, будь он жив, Довик вполне мог бы сейчас броситься на него с кулаками» [17].

Моя жена предположила, что подобное отношение к семье чисто этническое, не принято, мол, у евреев разводиться. Я не поверил и полез в Интернет: оказалось, что в Израиле тоже много разводов, и число их быстро растет. Возможно, объяснение опять в «Танахе», если Шалев неосознанно мыслит его схемами. Но напрашивается и другое, как мне кажется, более глубокое объяснение. Если присмотреться к трактовке семьи в романах Шалева, то можно заметить следующее. Семья по Шалеву — основа социальности для члена семьи, собственно говоря, герои живут в семье и семьей. Они не мыслят жизнь вне семьи, какая бы она ни была. Выйти из семьи — все равно как выйти из жизни, в никуда. Почему так? Не потому ли, что в настоящее время ослабли или уходят как представители (формы) социальности нация и государство?

«По мере того, — пишет Мартин Кревельд, — как другие организации занимают место отступающего государства, они, без сомнений, будут стремиться играть его роль во многих из этих аспектов. В отличие от нынешних членов международного сообщества, каждый из которых является сувереном, большинство из них, вероятно, не сможет осуществлять исключительный контроль над той или иной определенной территорией, и вместо этого они вынуждены будут делить этот контроль с другими организациями. Вместо того чтобы быть хотя бы формально равными, каковыми являются государства, некоторые из них, несомненно, будут выше, а другие — ниже. Иными словами, мы говорим о мире, где правовая структура будет находиться в большей гармонии с теми политическими реалиями, которые уже СЛОЖИЛИСЬ, а во многих местах никогда не исчезали... Об отступлении государства не стоит жалеть, но и завтрашний мир не будет много лучше или хуже того, который на наших глазах отходит в мир теней. Мао Цзэдун, которого однажды спросили о том, на что будет похоже будущее, ответил характерными стихами:

Солнце по-прежнему будет всходить,
деревья по-прежнему будут расти,
а женщины
по-прежнему будут рожать детей» [2, с. 335–336].

Что остается, если уходят государство и нация? Меир Шалев считает, что именно семья, и отчасти — род. В романе «Фонтанелла» жизнь семьи Апуны и Амумы переплетается с жизнью рода Йофов. Его многочисленные представители приехали в Израиль из России и других стран, имеют некоторые общие привычки, поддерживают

друг друга, образуя своеобразную «большую семью». Они все — Йофы, все отрезают хлеб, прижав его к груди, все вставляют в речь одинаковые выражения, все знакомы с рядом семейных историй рода Йофов.

«Вскоре Амума усвоила, что в клане Йофов существует четкое разделение: у одних определяющей является высота лба, а у других — его покатость. Одни говорили, что они “из иерусалимских Йофов” или “из хайфских Йофов”, а другие — что они из Йофов Одессы, Черновиц, Москвы или Макарова. Недолгое время спустя она уже научилась различать их издали — черная точка, а то и две или три приближались по широкой равнине, на которой совершенно невозможно было оценить ни время, ни расстояние: иногда далекие точки приходили через час, иногда близкие — через три дня. Но в конце концов все они неминуемо превращались в очередных Йофов, которые поднимались на холм и говорили: “Мы пришли помочь”.

У Апуны не было времени для дотошных и глубоких проверок. Он давал гостю нож и буханку и говорил: “Нарежь”. Все Йофы... режут хлеб, прижав его к груди, и тот, кто обращался к помощи стола или, того хуже, доски для резки, получал свой хлеб в качестве пайка на дорогу и отсылался туда, откуда пришел. Те же, кому позволялось остаться, пахали в поле, копали канавы для поливки и дренажа, рыли ямы для посадок и фундаменты для коровника и стен. А по вечерам они садились вместе и занимались тем, чем все Йофы занимаются по сей день: ели, кричали и рассказывали истории. <В каком-нибудь другом месте нужно использовать сравнение Рахели, что истории у нас передаются из рук в руки, как ведра с водой при пожаре.> Они обновляли семейные выражения, сравнивали воспоминания, и люди снизу, из деревни, уже знали, что голоса, доносящиеся из “Двора Йофе”, — это голоса семейные: протесты, и крики, и недовольное сопенье, и бесконечные “он”, и “она”, и “они”, и “я”, и “ты”, и споры о том, что произошло на самом деле, а что должно было произойти и как, и кто, как всегда, виноват, и кто, как всегда, был прав» [18].

У Шалева любовь и семья вроде бы не связаны между собой. Но это если речь идет о любви супругов или возлюбленных. Однако в его романах большую роль играет также любовь к родителям и детям, любовь к природе (земле, цветам, птицам, животным и пр.) и даже, отчасти, к истории и своему народу. Если взять все эти формы любви вместе, то в этом случае любовь явно имеет отношение к социальности, во многом определяет ее. И семья, как мы сказали, определяет социальность. Вряд ли в современной культуре эти два аспекта социальности совпадают, читая Шалева, убеждаешься в обратном.

В романах Шалева есть и третий аспект социальности, его обычно задает личность главного героя. Как правило, рассказ в произведениях Шалева ведется от имени этого героя, из его внутреннего мира. Как и положено личности в культуре модерна, она одинока. Не то чтобы главный герой не общается с другими, нет, конечно, общается, и любит, и его любят. Дело в другом, он замкнут в своем мире в том отношении, что выстроил этот мир сам, под себя, решая свои проблемы, в этом мире он только один, нет никого другого. Главный герой может о нем рассказать и часто делает это, но не может в этот мир впустить, в нем только он. А как же семья и род, ведь герой существует, живет и там? Да, современный человек живет сразу по меньшей мере в трех реальностях (мирах) — своей личности, семьи (если она у него есть) и внешней реальности.

Личность — это своеобразный навигатор «корабля», который представляет собой жизненный путь человека (этот путь человек выстраивает). Некоторые, утверждает Мераб Мамардашвили, выстраивают этот путь сознательно, прорываясь в подлинную реальность. «Самое главное <...> в тексте Пруста, — пишет Мамардашвили, — наглядно виден путь человека. А “путь”, по определению, если брать это слово с большой буквы, это путь, по которому человек выходит из какой-то темноты: из темноты своей жизни, из темноты впечатлений, из темноты существующих обычаев, из темноты существующего

социального строя, из темноты существующей культуры, своего “Я”, ее носителя, и должен пойти куда-то, куда светит указующая стрелка его уникального личного опыта... И вся жизнь в каком-то смысле состоит в том, способен ли человек раскрутить до конца то, что с ним на самом деле случилось, что он на самом деле испытывает и что за история вырастает из его предназначения <...> Предназначение человека состоит в том, чтобы исполниться по образу и подобию Божьему. Образ и подобие Божье — это символ, поскольку в этой сложной фразе я ввел в определение человеческого предназначения метафизический оттенок, то есть какое-то сверхопытное представление, в данном случае Бога. Но на самом деле я говорю о простой вещи. А именно: человек не создан природой и эволюцией. Человек создается. Непрерывно, снова и снова создается. Создается в истории, с участием его самого, его индивидуальных усилий. И вот эта его непрерывная создаваемость и задана для него в зеркальном отражении самого себя символом “образ и подобие Божье”. То есть человек есть существо, возникновение которого непрерывно возобновляется. С каждым индивидуумом и в каждом индивидууме» [6, с. 58, 59, 155, 156].

У Шалева в романах личности более скромные, не эзотерические, поэтому, кстати, они задают социальность, не подавляя и не редуцируя два другие аспекта социальности («гении эзотеризма», как известно, признают только подлинный мир, в который они стремятся попасть всеми силами [13, с. 180–197]). Но обратная сторона скромности героев Шалева — несогласованность, противоречивость указанных трех аспектов социальности (заданных любовью, семьей и личностью). Впрочем, они не согласованы и противоречивы в самой культуре модерна.

Действительно, семья в идеале прошлых двух веков должна была создавать условия и для реализации личности ее членов, и для совместного ведения хозяйства, и для любви, и для половой гигиены, и для правильной ориентации в социальности. Сегодня все эти функции могут быть реализованы вне семьи: вместо жены любовница, хозяйство можно вести самому или, если есть деньги, заплатить, одинокий человек — столь же уважаемый, как и семьянин, ориентируют в социальности СМИ и пропаганда.

Любовь в идеале должна была обеспечить возможность реализовать себя как личности, создать семью, обеспечить половую гигиену. В настоящее время многие ухитряются реализовать все эти три функции вне любви (конечно, страдает качество, и часто вместо подлинных реалий — симулякры, но кто это по-настоящему понимает).

Личность, как уже отмечалось, должна указывать путь в лабиринте проблем и выбора их решений, но в ситуации двойного перехода (кризиса модерна и становления «фьючекультуры») она во многом растеряла эти компетенции. Что же получается, все упирается в состояние современности? И да, и нет. На этапах кризиса и перехода к новой культуре, когда сложившаяся социальность перестает работать, социальность сосредоточивается в самом человеке, в его личности. Решения и выборы человека становятся тем, что обуславливает новые прецеденты жизни и очаги социальности.

Другое дело, превратятся ли они в социальность для других. Чтобы это произошло, много чего еще нужно. Так вот не демонстрируют ли романы Меира Шалева подобный мучительный процесс поиска новой социальности, личности и любви в отдельно взятой субкультуре со всеми их противоречиями и проблемами?

Литература

1. Абельяр П. История моих бедствий. — М.: Изд. АН СССР, 1959. — 256 с.
2. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 544.
3. Лакло Ш. де. Опасные связи. — М.: Правда, 1992. — 380 с.
4. Льюис К. Любовь // Мир и Эрос. — М.: Политиздат, 1991. — 333 с.

5. Малиновский Б. Научная теория культуры. — М.: О.Г.И., 1999. — 205.
6. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути) — М.: Ad Marginem, 1995. — 548 с.
7. Меир Шалев «Б-г стоит в стороне» // Лехаим, 2015.
<https://lechaim.ru/academy/meir-shalev-b-g-stoit-v-storone/>
8. Мид М. Культура и мир. — М.: Наука, 1988. — 429 с.
9. Мопассан Г. Ласки // Соб. соч.: в 12 т. — М.: Правда, 1958.
10. Плутарх. Об Эроте // Мир и Эрос. — М.: Политиздат, 1991. — 335 с.
11. Розин В. М. Введение в схемологию: схемы в культуре, философии, науке, проектировании. — М.: ЛИБРОКОМ, 2011, — 256 с.
12. Розин В. М. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. — М.: МПСИ, 2006. — 464 с.
13. Розин В. М. Сущность эзотеризма: Эзотерическая личность. Реконструкция эзотерических учений. — М.: ЛЕНАНД, 2021. — 264 с.
14. Толстой Л. Н. Анна Каренина // Соб. соч.: в 12 т. — М.: Худож. лит., 1981. — 120 с.
15. Фридман Р. А. «Кодекс» и «законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров // Уч. Зап. Рязанский ГПИ. — М., 1965. — Т. 34.
16. Шалев М. Эсав. <https://www.litmir.me/br/?b=99460&p=7>
17. Шалев М. Вышли из леса две медведицы.
https://mir-knig.com/read_377297-71
18. Шалев М. Фонтанелла. https://mir-knig.com/read_252026-28

Reference

1. Abelyar P. Istoriya moih bedstvij [History of my disasters]. Moscow: Publishing house. Academy of Sciences of the USSR, 1959. — 256 p. (In Russian)
2. Kreveld M. Rascvet i upadok gosudarstva [The rise and fall of the state]. Moscow: IRISEN, 2006. — 544. (In Russian)
3. Laklo SH. de. Opasnye svyazi [Dangerous ties]. Moscow: True, 1992. — 380 p. (In Russian)
4. L'yuis K. Lyubov' [Love]. In. Mir i Eros [Peace and Eros]. Moscow: Politizdat, 1991. — 333 p. (In Russian)
5. Malinovskij B. Nauchnaya teoriya kul'tury [Scientific theory of culture]. — Moscow: O.G.I., 1999. — 205. (In Russian)
6. Mamardashvili M. Lekcii o Pruste (psihologicheskaya topologiya puti) [Lectures on Proust (psychological topology of the path)] — Moscow: Ad Marginem, 1995. — 548 p. (In Russian)
7. Meir SHalev «B-g stoit v storone» [“Gd stands aside”] In. Lekhaim [Lechaim], 2015.
<https://lechaim.ru/academy/meir-shalev-b-g-stoit-v-storone/>
8. Mid M. Kul'tura i mir [Culture and the world]. — Moscow: Nauka, 1988. — 429 p. (In Russian)
9. Mopassan G. Laski [Laski]. Sob. cit.: In 12 volumes — Moscow: Pravda, 1958. (In Russian)
10. Plutarh. Ob Erote [About Eros] In. Mir i Eros [Peace and Eros]. — Moscow: Politizdat, 1991. — 335 p. (In Russian)
11. Rozin V. M. Vvedenie v skhemologiyu: skhemy v kul'ture, filosofii, nauke, proektirovanii [Introduction to Schemology: Schemes in Culture, Philosophy, Science, Design]. — Moscow: LIBROKOM, 2011. — 256 p. (In Russian)

12. Rozin V. M. Lyubov' v zerkalah filosofii, nauki i literatury [Love in the mirrors of philosophy, science and literature]. — Moscow: MPSI, 2006. — 464 p. (In Russian)

13. Rozin V. M. Sushchnost' ezoterizma: Ezotericheskaya lichnost'. Rekonstrukciya ezotericheskikh uchenij [Essence of Esotericism: Esoteric Personality. Reconstruction of esoteric teachings]. — Moscow: LENAND, 2021. — 264 p. (In Russian)

14. Tolstoj L. N. Anna Karenina [Anna Karenina]. Sob. Op. In 12 volumes. — Moscow: Art. lit., 1981. — 120 p. (In Russian)

15. Fridman R. A. «Kodeks» i «zakony» kurtuaznogo sluzheniya dame v lyubovnoj lirike trubadurov ["Code" and "laws" of courteous service to the lady in the love lyrics of the troubadours]. In. Uch. Zap. Ryazanskij GPI [Uch. Zap. Ryazan GPI] — Moscow, 1965. — T. 34. (In Russian)

16. SHalev M. Esav [Esav]. <https://www.litmir.me/br/?b=99460&p=7>

17. SHalev M. Vyshli iz lesa dve medvedicy [Two she-bears came out of the forest]. https://mir-knig.com/read_377297-71

18. SHalev M. Fontanella [Fontanella]. https://mir-knig.com/read_252026-28

Love in the family through the eyes of the writer Meir Shalev (and fragments of novel texts and analysis)

Rozin V. M.,

Doctor of Philosophy, Prof., Chief Researcher Institute of Philosophy RAS,

rozinvm@gmail.com

Annotation: The article presents small fragments of three novels by Meir Shalev, and the author on this material discusses the writer's understanding of love, family and personality. Why, he asks, is the fate of the family as portrayed by Shalev so sad, almost unconnected with love, and why the personality in novels is usually lonely? To answer these questions, an analysis of these three realities important for life is proposed, on the one hand, as Shalev understands them, on the other, how they currently look objectively. The author comes to the conclusion that at present in culture the understanding and concepts of family, love and personality are not coordinated with each other, which gives rise to numerous problems and a crisis of sociality. In parallel, he is trying to clarify the essence of the phenomena of love, family, personality and sociality discussed by Shalev.

Keywords: family, love, personality, sociality, modernity, man, time, history, crisis, formation.